

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

*С. А. Новиков**

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Показания свидетеля можно с полным основанием отнести к числу наиболее распространенных доказательств, без которых не обходится ни одно расследование и разрешение уголовного дела. Совершенное преступление оставляет следы не только на материальных носителях, но и в памяти людей, так или иначе с ним столкнувшихся. Использование этих сведений в доказывании позволяет точно установить значимые для дела обстоятельства, что, в свою очередь, является непременным условием принятия правоприменителями законных, обоснованных и справедливых решений. Сказанное подтверждает необходимость надлежащего правового регулирования института свидетельских показаний. Между тем в этой области имеется достаточно проблем, некоторые из которых и будут нами рассмотрены.

Статус свидетеля закреплен в ст. 56 УПК РФ, установившей, что свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Очевидно, что вызываемое лицо при этом не должно иметь другого процессуального статуса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, специалиста, эксперта.

Важнейшая обязанность свидетеля заключается в том, чтобы давать правдивые показания, поэтому за ее неисполнение — дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний — для свидетеля предусмотрена уголовная ответственность (ст. 307, 308 УК РФ). Вместе с тем в ряде случаев лицу предоставляется свидетельский иммунитет, определенный в законе как право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом (п. 40 ст. 5 УПК РФ). В ч. 3 ст. 56 УПК РФ названы категории лиц, которые об определенных обстоятельствах (например, священнослужитель — об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди), а иногда и при определенных условиях (например, депутаты Государственной Думы — без их согласия) не подлежат допросу.

* Новиков Сергей Александрович — канд. юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

© С. А. Новиков, 2013

E-mail: san33@mail.ru

Отметим, что в действующем УПК РФ упомянуты не все случаи предоставления свидетелям иммунитета, хотя ст. 7 этого Кодекса запрещает суду, прокурору, следователю, органу дознания и дознавателю применять федеральный закон, противоречащий Кодексу, а также требует, чтобы суд, установив несоответствие федерального закона Кодексу, принимал решение в соответствии с последним. Между тем порой такие противоречия разрешаются не в пользу УПК РФ. Для иллюстрации сказанного обратимся к положениям ч. 2 ст. 24 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»,¹ согласно которым Уполномоченный вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением его обязанностей. Очевидно, что в силу большей юридической силы этого Закона по сравнению с Кодексом приведенные положения не могут игнорироваться правоприменителями и будут применяться. Однако для устранения противоречий аналогичные правила должны быть закреплены и в УПК РФ. Кроме того, целесообразно внести изменения в п. 40 ст. 5 УПК РФ, уточнив определение свидетельского иммунитета, чтобы таковым признавалось право лица не давать показания в случаях, предусмотренных законом, а не одним только Кодексом.

Следующий актуальный вопрос: какие именно сведения, сообщаемые свидетелем, следует относить к его показаниям? Буквальное толкование положений ст. 79 УПК РФ, посвященной этому виду доказательств, приведет к ошибочному выводу о том, что показания могут быть получены лишь в ходе одного следственного действия — допроса. Между тем анализ ст. 192–194 УПК РФ помогает признать показаниями свидетеля и те сведения, которые сообщены им в ходе таких следственных действий, как очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте. Перечисленные следственные действия прямо направлены на получение от ранее допрошенного лица значимых для дела сведений, обретающих процессуальную форму показаний. Более того, в ст. 192 УПК РФ законодатель именно показаниями называет те сведения, которые сообщаются участниками очной ставки. В свою очередь, в ч. 7 ст. 193 УПК РФ отмечено, что опознающий объясняет, по каким приметам или особенностям он опознал предъявленные ему для опознания лицо или предмет, при этом наводящие вопросы недопустимы. В ст. 194 УПК РФ указано, что участвующее в проверке показаний на месте лицо излагает значимые для дела сведения в форме свободного рассказа и ответов на вопросы. Во всех этих случаях, на наш взгляд, мы имеем дело с показаниями участвовавшего в следственном действии лица. Сказанное означает, что ст. 79 УПК РФ нуждается в соответствующем уточнении.² Причем устранение допущенной законодателем неточности не терпит отлагательства, иначе, к примеру, в случае сообщения свидетелем заведомо ложных сведений в ходе очной ставки или предъявления для опознания его привлечение к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ может оказаться весьма проблематичным.

Могут ли показания быть даны свидетелем при производстве других следственных действий, например, в ходе осмотра или обыска? Найти ответ на этот вопрос сложнее, чем на предыдущий; ведь основное предназначение упомянутых следственных

¹ *Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.*

² Это предложение высказывалось нами еще в 2002 г., но пока не услышано законодателем (*Новиков С. А. Понятие «показания» по новому уголовно-процессуальному законодательству: необходимые уточнения // Российский судья. 2002. № 6. С. 8–9.*)

действий заключается не в получении сведений от того или иного лица (в том числе свидетеля), а в изучении материальной обстановки, обнаружении и изъятии предметов и документов и т. п. Вместе с тем очевидно, что, участвуя в производстве осмотра или обыска, свидетель может сообщить очень важные сведения по поводу обнаруженных предметов или следов. Не включать их в доказательственную базу, не имея для этого веских причин, неразумно. Для прояснения ситуации обратимся к положениям действующего российского законодательства.

Статьи 177 и 182 УПК РФ, посвященные порядку осмотра и обыска, умалчивают о том, чтобы кто-то из участвующих при этом лиц, включая свидетеля, сообщал значимые для дела сведения в форме свободного рассказа или ответов на вопросы (тем более умалчивается о том, чтобы считать такие сведения показаниями). Это заставило некоторых ученых прийти к чересчур, по нашему мнению, поспешному выводу о невозможности использования таких сведений в доказывании. Так, по утверждению Н. В. Власенко и В. В. Степанова, пояснения свидетеля, даваемые им в ходе осмотра, «носят ориентирующий, не имеющий процессуального значения характер».³ Более того, уважаемые авторы полагают, что указания и пояснения привлекаемых к осмотру лиц, относящиеся к обстановке места происшествия и к произошедшему в нем событию, вообще «не находят отражения в протоколе осмотра, так как там описывается только то, что следователь обнаружил на месте в ходе осмотра места происшествия, без указания на то, с чьей помощью были обнаружены определенные обстоятельства».⁴

Однако с таким подходом, на наш взгляд, согласиться нельзя. Во-первых, статья об общих правилах производства следственных действий предусмотрела необходимость предупреждения свидетеля, если он в них участвует, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Это косвенно указывает на то, что показания могут быть даны свидетелем в ходе любого следственного действия, производимого с его участием. Во-вторых, закон, устанавливая общие правила составления протокола следственного действия, требует, чтобы в таком протоколе не только описывались процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, и выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, но и излагались заявления лиц, участвующих в следственном действии (ч. 4 ст. 166 УПК РФ).

Поэтому мы полагаем, что сведения, сообщенные свидетелем в ходе осмотра, обыска или другого следственного действия с его участием, должны заноситься в протокол и признаваться в качестве допустимых доказательств по делу, а с учетом природы таких сведений — рассматриваться именно как показания свидетеля. При этом важно учитывать положения ч. 2 ст. 11 УПК РФ, согласно которым свидетель, имея право не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Сказанное отнюдь не означает, что нормы, регламентирующие порядок отдельных следственных действий, таких как обыск, осмотр, следственный эксперимент, выемка, не нуждаются в совершенствовании. Напротив, во избежание дальнейших дискуссий, а также для большей защищенности прав лица, сообщающего значимые сведения при

³ Власенко Н. В., Степанов В. В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. М., 2004. С. 17.

⁴ Там же.

производстве перечисленных следственных действий, требуется внесение в закон дополнений, уточняющих порядок и условия получения таких сведений.

Здесь мы коснулись еще одной, более общей проблемы: существующая система источников доказательств, закрепленная в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, не охватывает всех случаев вовлечения в уголовное судопроизводство значимых для дела сведений, сообщенных осведомленными лицами тем субъектам процесса, которые уполномочены такие сведения собирать. Ведь лицо может сообщить их не только в ходе следственного действия, но и, к примеру, в ходе «доследственной проверки», дав свои объяснения следователю, а также в ходе опроса, проведенного защитником или оперативным работником. Поскольку прямо в качестве самостоятельного источника доказательств объяснения не названы, они де-факто вовлекаются в процесс доказывания через другие процессуальные формы, например, через такой имеющийся источник, как иные документы.⁵ Между тем такое отнесение полученных от лица и зафиксированных в письменном виде объяснений к определенным документам искусственно⁶ и происходит от желания правоприменителей «не потерять» важные для дела сведения, полученные законным путем, а использовать их в качестве доказательств. На наш взгляд, следует прямо дополнить систему источников доказательств «объяснениями», предусмотрев в то же время строгие условия их использования в доказывании (в частности, последующий допрос давшего объяснения лица, чтобы при наличии противоречий между объяснениями и показаниями иметь возможность сделать вывод о том, какое из этих доказательств достоверно). Второй возможный вариант, за который высказываются некоторые ученые: максимально расширить существующее понятие «показания» за счет отнесения к таковым всех значимых для дела устных сведений, включая не только те, что получены в ходе следственного действия, но и те, что сообщены адвокату в ходе проведенного им опроса того или иного лица, а затем представлены следователю или в суд.⁷

В любом случае, основным средством получения показаний свидетеля остается его допрос. Если, как было отмечено выше, получение от свидетеля относимых к делу сведений в ходе обыска или осмотра с его участием законом фактически не регламентировано, то допрос прямо направлен именно на получение показаний. Интересно выяснить, насколько совершенен существующий процессуальный порядок производства этого следственного действия.

Анализ положений ст. 56, 187–190 УПК РФ позволяет сделать следующий вывод: в целом существующие правила получения показаний свидетеля предусматривают определенные гарантии того, что сообщаемые им сведения будут отвечать критериям допустимости и достоверности. Этому способствуют, в частности, требование о дословной (по возможности) записи в протокол показаний допрашиваемого лица, запрет постановки ему наводящих вопросов, приобщение к протоколу изготовленных в ходе допроса схем, чертежей, рисунков или диаграмм, а также имеющееся у свидетеля право лично прочитать протокол допроса и требовать внесения в него дополнений и уточнений.

Вместе с тем необходимость дальнейшего совершенствования процессуального порядка допроса очевидна. Так, давно уже ощущается потребность шире применять при

⁵ Подробнее см.: Новиков С. А. Использование объяснений опрошенных лиц в доказывании по уголовным делам: «исключить нельзя допустить» // Правоведение. 2008. № 3. С. 30–40.

⁶ Царева Н. П. Документы-доказательства в уголовном судопроизводстве. М., 2003. С. 64.

⁷ См., напр.: Будников В., Русев А. Показания в уголовном процессе // Законность. 2006. № 9. С. 44.

допросе свидетелей современные научно-технические средства, в частности видеоконференцсвязь. Отрадно, что возможность использования этого вида связи для получения показаний в судебных стадиях российского уголовного процесса нашла теперь широкое закрепление в законе (см., например, ч. 2 ст. 389-12, ч. 8 ст. 389-13 УПК РФ). Однако напрашивается следующий шаг: предусмотреть использование этой системы в ходе досудебного производства по уголовному делу, внося соответствующие изменения в ст. 189 и 190 УПК РФ. Подобный шаг давно уже сделан во многих странах за рубежом, в том числе и в ряде бывших советских республик; недавно к числу таких стран присоединилась Украина. И только российские следователи по-прежнему вынуждены заставлять свидетелей являться по вызову в другие населенные пункты, преодолевая десятки километров, либо сами отправляются для производства допроса на другой конец страны. Есть еще, конечно, возможность направить поручение в территориальный орган, но для качественного допроса «нерядового» свидетеля необходимы хорошие знания всех материалов уголовного дела, а значит, этот вариант отпадает.

Подчеркнем, что расширение возможности применения видеоконференцсвязи при допросе — это не только вопрос процессуальной экономии и сокращения сроков уголовного судопроизводства, но и реальный путь повышения достоверности показаний свидетеля. Ведь подчас заявление вызываемого лица о его неосведомленности об обстоятельствах совершенного преступления продиктовано банальным нежеланием являться для допроса в другой населенный пункт, что всегда связано с определенными неудобствами.

Другой важный момент, касающийся регламентации процедуры допроса, — чрезмерно жесткий, на наш взгляд, подход к установлению предельно допустимой продолжительности этого следственного действия (ч. 2, 3 ст. 187 УПК РФ). Представим ситуацию, когда свидетель желает давать показания и после 4 часов непрерывного допроса. Допустим также, что сведения, излагаемые им, очень важны для правильного разрешения дела, и промедление с их фиксацией и проверкой приведет к невосполнимой утрате доказательств. Однако следователь будет обязан в приведенной ситуации вопреки желанию свидетеля и интересам дела прервать допрос минимум на 1 час, что может иметь необратимые негативные последствия. Наверное, более правильным было бы указать в законе, что допрос не может длиться непрерывно более четырех часов без желания допрашиваемого. Нужно было бы обязать следователя по истечении этого времени выяснить, желает ли допрашиваемый продолжить дачу показаний, или ему необходим перерыв. Предлагаемый порядок, с одной стороны, защитил бы права свидетеля, а с другой — способствовал бы решению задач уголовного судопроизводства.

Нельзя обойти молчанием и вопрос о дополнительных гарантиях оказания свидетелю во время его допроса качественной юридической помощи. Полагаем, что предоставленная свидетелю возможность являться на допрос с адвокатом сама по себе способствует соблюдению принципа законности при производстве названного следственного действия, помогает свидетелю лучше понять свои права и обязанности, а также дополнительно дисциплинирует следователя или судью. Адвокат, присутствуя при допросе, вправе давать свидетелю краткие консультации, задавать ему с разрешения следователя вопросы и по окончании допроса делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля, которые заносятся в протокол (ч. 5 ст. 189 УПК РФ). Разумность и правильность этих норм едва ли могут у кого-либо вызвать сомнения. Однако очевидно, что все приведенные положения останутся пустой формальностью, если адвокат,

приглашенный свидетелем, одновременно представляет при производстве по этому же уголовному делу другое лицо (например, обвиняемого), зачастую прямо заинтересованное в даче свидетелем ложных показаний или в его отказе от дачи показаний. При таком «конфликте интересов» адвокат просто не сможет надлежаще выполнить свой профессиональный долг по отношению к обоим своим доверителям. Между тем сегодня в законе вообще не предусмотрено случаев, когда приглашенный свидетелем адвокат мог бы быть отведен от участия в производстве по уголовному делу, что, на наш взгляд, является безусловным пробелом. До его устранения правоприменители вынуждены обращаться к аналогии закона, применяя при отводе такого адвоката нормы об отводе защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или ответчика (ст. 72 УПК РФ). При этом отсутствие четко прописанных оснований отвода адвоката может повлечь за собой нарушение прав пригласившего его свидетеля.

Следующий вопрос, заслуживающий самого пристального внимания, — укрепление и развитие правовых мер, стимулирующих дачу свидетелями правдивых показаний (именно правдивые показания в подавляющем большинстве случаев достоверны). Применительно к свидетелям названные правовые меры включают в себя, прежде всего, две группы: меры ответственности и меры защиты. Сегодня обе эти группы имеют в России большие ресурсы для развития.

Коснувшись мер ответственности, отметим, что лжесвидетельство на протяжении многих лет остается масштабной и нерешенной проблемой российского уголовного судопроизводства. Анализ правоприменительной практики подтверждает неутешительный вывод о том, что сегодня из огромной «армии» лжесвидетелей только единицы привлекаются к уголовной ответственности, причем наказание для них ограничивается незначительными штрафами.⁸ Необходимо внести ряд изменений в уголовное законодательство, чтобы добиться большей эффективности мер ответственности.

Так, на наш взгляд, следует, во-первых, усилить уголовную ответственность за некавалифицированную дачу свидетелями заведомо ложных показаний, предусмотрев возможность назначения за это преступление достаточно строгого наказания, в том числе в виде лишения свободы (сегодня в России наиболее строгое наказание за некавалифицированное лжесвидетельство — три месяца ареста, что никак не обеспечивает надлежащей общей превенции). Для сравнения: во Франции за аналогичное преступление предусмотрено наказание вплоть до 5 лет лишения свободы, в Израиле — до 7 лет, в Японии и США — до 10 лет. Не случайно американские правоприменители, выступая на международных семинарах, отмечают, что им сравнительно редко приходится сталкиваться с фактами лжесвидетельства, так как в США это одно из серьезных преступлений, реальное наказание за которое обычно неотвратимо.⁹

Во-вторых, в качестве квалифицирующих признаков, серьезно усиливающих уголовную ответственность, в ст. 307 УК РФ должны быть указаны такие признаки, как согласованная дача двумя и более лицами заведомо ложных показаний, а также дача лицом заведомо ложных показаний из корыстной заинтересованности. Ведь при подобных обстоятельствах общественная опасность совершаемого преступления, безусловно, значительно возрастает. Следовательно, более суровым должно быть и наказание.

⁸ Подробнее см.: Новиков С. А. К вопросу о существующей практике борьбы с лжесвидетельством // Российский следователь. 2008. № 15. С. 31–32.

⁹ Быканов М. Лжесвидетельство — враг правосудия // Законность. 2006. № 5. С. 26.

В-третьих, нужно изменить примечание к ст. 307 УК РФ, предусмотрев не обязательность, а лишь возможность освобождения от уголовной ответственности лжесвидетеля, добровольно сообщившего о своей лжи. Такой подход с успехом применяется за рубежом, например, в Японии. В России же императивная норма, обязывающая в категоричной форме освобождать лицо от уголовной ответственности при добровольном саморазоблачении, порой способна породить у свидетеля ощущение безнаказанности его лжи, возможности в любой момент производства по делу до вынесения судом окончательного решения безболезненно отказаться от прежних показаний. А ведь на проверку ложных сведений тратятся силы и время сотрудников правоохранительных органов, более того, нередко в результате лжи нарушаются права и законные интересы других лиц.

Что касается уголовно-процессуальных мер борьбы с лжесвидетельством, то, на наш взгляд, целесообразно дополнить ст. 239 и 313 УПК РФ, чтобы в каждом случае прекращения уголовного дела или постановления приговора суд проверял, не давались ли свидетелем заведомо ложные показания, а при положительном ответе мог бы по своей инициативе передать копии соответствующих документов стороне обвинения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 307 УК РФ. Такое дополнение способствовало бы выявлению случаев лжесвидетельства и обеспечению неотвратимости наказания за него. В аналогичном дополнении нуждается и ст. 212 УПК РФ, регламентирующая прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования.

Наряду с усилением ответственности за дачу заведомо ложных показаний необходимы дополнительные меры защиты, направленные на обеспечение безопасности добропорядочного свидетеля. Так, следует усилить уголовно-правовую защиту, дополнив ст. 309 УК РФ и предусмотрев ответственность за подкуп и принуждение свидетеля к отказу от дачи показаний. Ведь сегодня такие действия, несмотря на их очевидную общественную опасность, не считаются преступными, что должно рассматриваться как безусловный пробел.

Требуют совершенствования и уголовно-процессуальные меры защиты свидетеля. В частности, необходимо уточнить ч. 9 ст. 166 УПК РФ, чтобы опечатанный конверт со сведениями о личности свидетеля, давшего показания под псевдонимом, хранился не в материалах уголовного дела, где его легко могут несанкционированно вскрыть заинтересованные лица, а отдельно, причем по правилам секретного делопроизводства (например, у надзирающего прокурора, как это предусмотрено в ч. 1 ст. 67 УПК Беларуси). Кроме того, нужно дополнить институт мер процессуального принуждения судебным ограничительным приказом, запрещающим участникам процесса и третьим лицам выполнение определенных действий в отношении защищаемого лица и его близких (приближаться к ним, звонить по телефону, отправлять письма и т. п.).

В заключение еще раз подчеркнем, что показания свидетеля играют огромную роль в уголовно-процессуальном доказывании и крайне важны для точного установления обстоятельств совершенного преступления. Между тем наличие рассмотренных выше проблем серьезно влияет на допустимость и достоверность сообщаемых свидетелем сведений. Поэтому дефекты и пробелы правового регулирования, внимание к которым мы попытались привлечь, должны быть как можно скорее разрешены законодателем. Надеемся, что высказанные выше предложения помогут в решении этой нелегкой задачи.

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2012 г.